
М. П. Жигалова
(Беларусь, Брест)

**ОТРАЖЕНИЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ
РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПОЭТОВ БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКО-
УКРАИНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ**

Сегодня, в условиях глобализирующегося мира, усиление исследовательского интереса к феномену культурного Пограничья вполне понятно и неизбежно.

Появление все новых транскультурных образований актуализирует для науки поиск выработанных и апробированных в ходе исторического развития образцов и сценариев сосуществования в едином культурном поле различных традиций и менталитетов. Ведь только глубокое изучение особенностей Пограничья, его экономического, политического, конфессионального, культурного состояния создает условия толерантности, спокойствия и мира в регионе, приводит к разрядке возникающих социальных стрессов и напряженностей. А в этом заключается уже не только научно-фундаментальный, но и «важнейший прикладной аспект исследований» [3, с.4] данного феномена.

К числу пограничных и транскультурных образований, безусловно, может быть отнесена и традиция белорусско-польского Пограничья.

Именно здесь, на пограничье Востока и Запада, православно-византийского и католическо-романского мировоззрений, во многом решались судьбы всей современной Европы. В этом смысле Брестско-Подляское польско-украинско-белорусское Пограничье в силу его одновременно потенциально конфликтогенного и реально полилогичного характера тоже вполне можно назвать «пограничьем шанса и опасности» [2, с. 123].

Культура Брестско-польско-украинского Пограничья характеризуется спецификой того исторического пути, который прошёл народ, проживающий здесь. Он отложился в социальной памяти этого мультикультурного пространства – в языке, который является средством взаимодействия поколений, культур и цивилизаций, и традиционных установках поликультуры. Достаточно сказать, что «на территории Брестско-Польского Пограничья проживают люди разного этнического статуса. Так, только в Брестском районе (площадь 1617 км. квадратных), расположенном на юго-западе Брестской области, где длина границы с Польшей составляет 140 км., с Украиной – 37 км., проживает 45, 6 тыс. жителей, разных по своему этническому статусу: белорусы составляют 36,3 тыс. (79,6%), россияне – 4,0 тыс. (8,8 %), украинцы – 4,1 тыс.(9%), поляки – 0,5 тыс. (1%), другие национальности – 700 чел (2,2%). В свою очередь, во Влодаве – центре гмины в Люблинском воеводстве, расположенном на Буге, на польско-белорусской границе, – население составляет около 15 тыс. жителей. Это место, где испокон веков жили в согласии поляки, украинцы, белорусы и евреи, которые до второй мировой войны составляли 60% населения Влодавы. Визиткой города является Международное Полесское Лето с фольклором. Начиная с 1991 года, Влодава является одним из 200 городов мира, которые организуют такие фестивали фольклора» [1].

Сегодня во Влодаве по традиции проводится фестиваль трёх культур: еврейской, польской, русской, связанными с тремя религиями: иудаизмом, католицизмом и православием. Циклически здесь, во Влодаве, в сентябре проводится трёхдневное мероприятие. Здесь показывают мультикультурное наследие Влодавы: в пятницу – день еврейской культуры, суббота – православное наследие; воскресенье – католическая культура. В костёлах и других сакральных объектах, происходят концерты, спектакли, выставки, семинары.

В 2011 году XVI Международный фестиваль восточнославянских коляд проводился в польском городе Тересполе, в котором приняли участие около 30 коллективов из Польши, Беларуси, Украины, в том числе, хор из посёлка Рудинки Пружанского района, который официально действует при местном Доме культуры и поёт в Свято-Покровской церкви, хор Брестского Свято-Николаевского гарнизонного собора и академический хор “Согласие” из

Бреста и др. Песни звучали на польском, украинском, белорусском языках. Голоса детей, их родителей, бабушек и дедушек из православных приходов Тересполья, Кастомлотов, Кобылян, Коденя Бельского повета, из Люблина и Белостока, действительно свидетельствуют о том, что православная культура была есть и будет в соседней католической Польше. О том, что в Польше не имеют никаких проблем с вероопределением своих граждан говорили и староста бельский Тажеуш Лазовский, и бурмистр Тересполья Яцек Данилюк, католики-спонсоры, которые рядом с дипломатами трёх государств (консул Беларуси в Бялой Подляске, консул Украины в Люблине Олег Горбенко и консул Польши в Бресте Анна Доменко-Лучек) утверждали, казалось, извечную истину дружбы народов Пограничья, их историческое и культурное единство. Вот что пишет Ю. Рубашевский в своей статье «Калядкі па-цярэспальскі»: “Звяртаючыся да прысутных, архіепіскап Люблінскі і Хелмскі Абель сказаў: “Я шчыра вітаю і благаслаўляю калектывы, якія да нас прыехалі з бліжэйшага замежжа, з Беларусі і Украіны. Гэтымі спевамі, гэтымі калядкамі мы зноў сведчым, што ў нас, у Польшчы, існуе і спявае праваслаўе” [7, с.7].

Сформировавшись как принципиально пограничная культура белорусско-польского региона, она может характеризоваться ещё и тем обстоятельством, что, в отличие от «классических» цивилизаций, стратегическая роль в ней принадлежит не культурному синтезу, а культурному симбиозу, явившемуся ее основным культурообразующим механизмом. «Симбиотические же взаимосвязи различных интегрирующихся элементов, образующих основу социокультурного пограничного образования, обеспечивают, в свою очередь, его неустойчивую стабильность» [8, с. 181].

Поэтому существование индивида «на культурном пограничье» означает не просто более-менее безболезненную и уверенную миграцию из своей культуры в соседние и обратно, но пребывание в специфических «культурных сумерках», где «свое – отчуждено, а чужое – все-таки свое», или, иными словами, «существование между Отчиной и Чужбиной, которые на самом деле оказываются двумя ликами одного целого» [3, с. 112].

В связи с этим в полицентрическом пространстве культурного многообразия процесс индивидуальной самоидентификации для носителей пограничной культуры представляет собой некоторое балансирование «между». Именно на белорусско-польском Пограничье владение и попеременное использование нескольких различных языков (а здесь используются преимущественно русский в городах, и «трасянка» (то есть, русско-белорусско-польско-украинский диалект в деревнях), каждый из которых выбирается в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией, является нормой. Правда, заметим, что молодёжь часто

использует в коммуникативном полилоге со сверстниками – иностранными студентами – в частности, и английский, и немецкий, и французский языки. Это и есть мультилингвизм и мультикультурализм в действии, что является неотъемлемым требованием в современном глобализирующемся мире.

Однако, мультилингвизм – это не только способность говорить на нескольких языках, это ещё и особый тип мышления, впитывающий в себя культурные ценности нескольких народов, цивилизаций, мышление, открытое к взаимопониманию, а также и к осмыслению культур разных собеседников. Из этого следует, что мультилингвизм является одним из главных средств налаживания межкультурного диалога, достижения толерантности и взаимопонимания, помогающие преодолению противоречий и конфликтов, которые время от времени возникают в многонациональном мировом пространстве.

И здесь следует учитывать тот факт, что существует мультикультурализм естественный и искусственный. В белорусско-польско-украинском Пограничье он естественный, так как все языки используются в языковой среде. Важно отметить и то, что при таком мультикультурализме коммуникативный аспект культурно значимого текста не нуждается в переводе, а автоматически перерастает в межкультурное взаимодействие, в диалог, а в некоторых случаях и в полилог. Поэтому главная цель мультикультурализма белорусско-польско-украинского Пограничья – возрождение и укрепление различных языков и культур, сохранение языкового многообразия, и вместе с тем способствование эффективной межкультурной и межэтнической коммуникации. Однако следует подчеркнуть, что всякая пограничная культура, даже будучи вынужденно обреченной на перманентные культурные контакты и взаимосвязи, демонстрирует не только способность к продуктивному сотрудничеству и взаимообогащению, но и в какой-то мере «консервирует» свой архетипический код, весьма пока неопределенный, и, может быть, даже еще неназванный для его носителей в силу отсутствия их полноценного полилога со своими культурными соседями.

В рамках обозначенного подхода проблематичность исследования и квалификации исторических процессов и феномена белорусско-польского Пограничья должны определяться, прежде всего, фактом очевидной «неоднозначности белорусскости», которая «среди многих других факторов предопределялась повышенной мобильностью (изменчивостью) белорусско-польских отношений, а также этнографично-этнической и вероисповедальной непроясненностью при определении белорусами собственной национальной самоидентификации» [2, с. 228-229].

Таким образом, история и логика белорусско-польско-украинских взаимоотношений Пограничья может быть представлена как

последовательность и совокупность ряда «культурных опытов», среди которых основными явились опыт государственного (с XVI в.), конфессионального (с XVII в.) и собственно культурного – в первую очередь, художественно-литературного (XIX-XX вв.), симбиозов.

Нас больше интересует третий аспект проблемы – собственно культурный. Опустив иные жанры и виды литературного взаимопроникновения культур, отметим следующее. На наш взгляд, наиболее ярко симбиотический характер культурных реляций белорусско-польско-украинского Пограничья проявился в феномене русскоязычной литературы. Говорить об отражении мультикультурности в русскоязычной литературе белорусско-польско-украинского Пограничья, написанной этническими поляками, русскими, украинцами, белорусами, можно в двух аспектах. В широком, подразумевая связь этой литературной традиции с традициями мировой литературы и самой реальностью её функционирования в белорусско-польском регионе, и узком, предполагающем его внутреннюю, жанрово-тематическую и стилевую специфику. В опыте отражения разных культур в русскоязычной литературе белорусско-польско-украинского Пограничья очевидно и то, что здесь осуществляется и дополняется формирование как белорусского и польского культурного кодов, так и культурного кода подляшского «я», включающего элементы других культур (русской, украинской, литовской и др.), функционирующих на данной территории. Это происходит в силу, по меньшей мере, двух причин. Во-первых, русскоязычная литература Пограничья, находясь в пространстве исторически сформировавшегося менталитета, особенности исторического развития которого были обозначены выше, по сути, реконструирует как белорусскую, так и украинскую, польскую культуры, и даже создаёт национальную идеологию Пограничья, свой специфический мультикультурный код, своеобразный многонациональный миф, «апеллируя, прежде всего, к глубинным пластам национального архетипического свойства [8, с. 8].

В творческом багаже практически каждого поэта и писателя Пограничья имеются, с одной стороны, сакрализованные исторические сюжеты, как ритуально проинтерпретированные социально-этнические кризисы белорусской социокультурной традиции, а, с другой стороны, широко представлены разные культуры и их взаимодействие.

Во-вторых, художники слова, представители литературного украинско-белорусско-польского Пограничья, испытывали, всегда явное затруднение с собственным национально-культурным самоопределением. Подобное затруднение вряд ли можно однозначно назвать недостатком, поскольку длительные и безуспешные поиски этой самоидентификации были неизбежны – как можно белорусу, например, себя благополучно

идентифицировать, имея в историческом багаже одновременно столько культурных имен: «кривичи», «литовцы-литвины», «русины», «белорусы»? При этом, начиная с XVII века, в белорусской культуре оформилась определенная дихотомия: высший слой, пользуясь польским языком, развивал свою культурную традицию с акцентом на метропольную культуру и восприятие через нее общеевропейских духовных ценностей. В результате возникал специфический симбиоз парадигмы польской культуры (как внешнего оформления) и белорусской ментальности (как внутреннего содержания). Одновременно с этим, существовала и существует по сегодняшний день, например, на Брестчине, автохтонная сельская (народная) культура, которая вбирала в себя элементы многих соседних культур.

Поэтому поиски национальной самоидентификации авторами польско-белорусско-украинского Пограничья происходили как на базе своей этнической культуры, так и других культур, которые тоже уже были понятны и близки им. Достаточно вспомнить, что национальное самосознание А. Мицкевича, например, по мнению исследователей, было одновременно и выразительно польским по своему идейно-политическому звучанию и ориентации в творчестве на польский язык, и, безусловно, белорусским по своей эмоционально-психологической ментальности, сформировавшейся белорусским бытовым, языковым, фольклором, песенным мелосом поэта [3, с. 335]. Сегодня уже очевидно и то, что творчество А. Мицкевича впитало элементы других европейских культур, которые стали ему родными, и отразило мультикультурное пространство Европы и мира.

Поэтому, исследуя феномен русскоязычной литературы белорусско-польского Пограничья, можно отметить сосуществование и взаимодействие в его рамках нескольких языковых систем, ряда ментальностей, их традиций и множество этнических кодов, отразивших ситуацию мультикультурности.

А значит, литературу белорусско-польско-украинского Пограничья по праву можно назвать феноменальной, интегративной, ибо она демонстрирует читателю особенности поликультурного взаимодействия. Именно таким образом на белорусско-польско-украинском культурном Пограничье сегодня мирно сосуществуют, обогащая друг друга, разные культуры и этносы, развивая как белорусские историко-литературные традиции в целом, так и белорусско-польские отношения в частности. А обозначенные выше характеристики – симбиотичность, проблематичность национальной самоидентификации, консервативность духовных и социальных практик – вовсе не умаляет достоинств ни белорусской, ни украинской, ни польской культур и их значения для настоящих и будущих социальных процессов общеевропейского масштаба.

В самом деле, если вектор наших исследований обратить на идею единства всех людей, которая в глобализирующемся мире становится самой

актуальной, то выясняется, что сегодня, при все нарастающем космополитизме культур – противоречивом, но неизбежном – опыт коммуникации белорусско-польского Пограничья может оказаться востребованным и поучительным. То, что в эпоху локально-национальных культур квалифицируется как определенный недостаток и ущербность, в современных условиях замены этноцентризма на антропоцентризм, в условиях стирания этнокультурных границ в мультикультурном пространстве, оно неожиданно проявляет свои позитивные и креативные стороны. Возможно, мультикультурная модель белорусско-польско-украинского региона как модель пограничного культурного и креативно коммуникационного сосуществования, окажется одной из продуктивных и значимых в глобализирующемся мире.

Современные белорусские русскоязычные художники слова говорят о культуре России, Беларуси, Польши, Германии, Эстонии. Русскоязычные поэты Брестчины органично вписываются в ее контекст, отражая широкий спектр тематики и проблематики: «прошлое и будущее», «связь времен», «единство природы и внутреннего мира человека», «смысл жизни», «духовный мир человека и чистота человеческого бытия», «единство славянства» – темы, проходящие сегодня сквозь всю разноголосую ткань поэтической современности. Они отразились и в творчестве русскоязычных поэтов Пограничья.

Обратимся к творчеству Л. Красевской, Д.Ковалёва.

«Вся жизнь моя – хождение за границы...». Такие строки можно предпослать последнему сборнику поэтессы-брестчанки Любови Красевской «На два голоса» (Брест, 2009) [4, с.33-40; с. 3-6; с. 8-16].

Первая часть «Две Родины» открывается одноименным стихотворением, которое является исповедью человека, волею судьбы оказавшегося вдали от своей этнической Родины. Ностальгические чувства приобретают в стихотворении дискурс философских рассуждений, размышлений о вечности прекрасного чувства патриотизма, верности родным пенатам, счастье свободы.

Вспоминаю тебя... Кто тоскою по Родине лечится?

Ну, за что мне такая, такая зачем маята?

Я ответа прошу. Ностальгия – плохая советчица

Тем, кто в жизни меняет своих обитаний места.

Поэтесса уверена, что именно на родине черпает человек истоки сил душевных. И где бы он впоследствии не жил, всё равно душа его остаётся здесь, в родных пенатах.

Название символично и тесно связано с судьбой поэтессы, её пониманием мультикультурности. Родилась Л.Красевская в Красноярском крае, русская по сути и духу. Но, судя по фамилии, её корни где-то здесь, в

земле «Речи Посполитой». Осев в Бресте, поэтесса состоялась здесь как поэт и гражданин, но нет-нет да и обожжёт своё сердце воспоминаниями о далёкой Сибири, родине её плоти и духа. Неслучайно в сборник вошло и стихотворение «По-русски»:

*Я родилась на том материке,
Куда упал метеорит Тунгусский.
Я говорю на польском языке,
А думаю... а думаю – по-русски.*

*Судить не стоит по одной строке –
Я в ней не вся, а только мыслей сгустки.
Пою на белорусском языке,
А думаю... а думаю – по-русски.*

*Груз бытия... а к Богу – налегке
На круг общенья избранный и узкий.
Молилась на церковном языке,
А думала... а думала – по-русски..*

Стихотворение начинается с описания её «малой родины» – маленького кусочка земли на материке (обширного пространства суши, омываемого морями и океанами), «куда упал метеорит Тунгусский» (космическое тело, упавшее на Землю в бассейне реки Подкаменная Тунгуска в 1908 году). В этом высказывании читатель сразу обращает внимание на прописную букву в прилагательном Тунгусский. Вероятно, поэтесса сделала так потому, что это слово включает в себе обобщённый образ-символ России, Родины, Отчизны. Да и в синтаксическом отношении начало стихотворения представляет собой сложноподчинённое предложение, так как у автора и её лирической героини возникает необходимость выразить сложную связь прошлого и настоящего, единения «малой родины» (Красноярский край) и приобретённой, второй родины – Беларуси. Поэтому неслучайно свой сборник поэтесса назвала «На два голоса».

Сильными позициями стихотворения «По-русски» является заголовок, первая и последняя фразы, указывающие на важность поэтического образа Руси. Ключевые слова «Сибирь» – «Польша» – «Беларусь» – «Бытие» – «Бог» – «Язык» позволяют с помощью подтекстовой информации (два голоса) определить доминанту, являющуюся темой стихотворения и указывающей на идею: петь на два голоса, по-русски и белоруски, по-польски и по-русски непросто, но такое пение лишь обогащает певца, завораживает...

Поэтесса ещё раз подчёркивает, что коммуникация в мультикультурном пространстве несколько отличается от общения в этнической однородной среде. И это понятно, ведь здесь нужно говорить так, чтобы тебя понимали, прислушиваться к языку окружающей среды и вживаться в

инонациональную культуру. На этом языке могут быть созданы и произведения, но всё же «мыслей сгустки», идеи всегда рождаются на родном языке. И потому на каком бы языке ни говорила лирическая героиня, всё равно она думает «по-русски». Поэтому так чётко обозначена поэтессой основная мысль стихотворения – неразрывная связь внутреннего мира героини с малой родиной и родиной приобретённой.

Ретроспективный план стихотворения помогает понять вечность и неизменность проблемы не выбора, а единения. Своеобразна и фоника стихотворения. Обилие звонких согласных «р, м, н, з, б, г, в» ассоциируется с незабываемой могучей, гордой, свободной сибирской землёй, с раскатами грома, с эхом в горах, с бунтующими реками, о которых тоскует душа, хотя сердце уже принадлежит Беларуси.

Ассонанс (повторы гласных: я, а, у, е, о, ю, и) создают картину единения земель, единения славянских народов, общности языка, истории и культуры славян.

В ритме стихотворения наблюдается сбой, доказательство этому – постановка многоточия, подчёркивающего грусть по этнической родине и вечные мечты о ней. Постановка тире указывает ещё на одно важное качество лирической героини: почитание ею Матери-Земли и преклонение перед образом Земли белорусской и российской.

В произведении много знаменательных частей речи (существительных, глаголов, местоимений, прилагательных, наречий), что позволяет предположить, что автор рисует вполне реальную картину мира. Все глаголы, кроме глагола «судить» – личные, что указывает на доверительный исповедальный характер. Лирическая героиня вступает в диалог с окружающими и надеется на понимание. В то же время она обращается и к собственной душе, к своему «я», чтобы убедиться в правильности принятого решения.

В третьей строфе настроение меняется. Антитеза (груз бытия – к Богу налегке...) способствует логическому усилению мысли, предельно чётко обозначая связь явлений. Жизненная суета, активность в постижении мультикультурного Мироздания и спокойствие перед уходом в небытие. Такая концепция важна для поэтессы, ибо её творчество не исчерпывается только одним родным языком и культурой, «мыслей сгустки» строятся на знании разных культур, на постижении сиюминутного и вечного внутри нас. Это позволяет всегда говорить о самом сокровенном безмолвно, ненавязчиво, душевно и доверительно, петь о родине и народе, истории и традициях славян на «два голоса», понимая и принимая при этом разные культуры и наречия.

Так сложилось, что Любовь Красевская всегда оставалась в гуще культурной жизни России, Беларуси, а позже и Европы:

Разлетелась душа на части:
На границы
И города,
На страницы,
На поезда...

Это давало ей возможность постигать философию жизни россиян, белорусов и европейцев, формировать представление о счастье и смысле жизни, о вечной и верной любви, о чести и достоинстве, петь о родине и её народе, истории и традициях:

Пересмотрела прошлого страницы.
Ту книгу больше не хочу листать.
Вся жизнь моя – хождение за границы,
Вот почему так хочется летать.

Стихи поэтессы в этом сборнике объединены одной концепцией: «На то она и судьба, чтобы понимать на всяком наречье» (И.Бродский). Не удивительно, что Л.Красевская с любовью и нежностью говорит о Беларуси, Польше, Германии. В стихотворении “Белая Русь” лирическая героиня восхищается белой, чистой, святой землёй Белой Руси и поёт о ней тепло, спокойно, задушевно. Её вторая родина воспринимется поэтессой как что-то неземное, райское:

Я в юности думала:
Петь надо громко, раздольно,
Вот только опыта, знаний и сил наберусь...
Но годы прошли.
Громко петь уже больно –
Пою о тебе задушевно, моя Беларусь.

К тебе, моя спокойная красавица,
Спешу вернуться отовсюду я.
Здесь лебеди зимой в реке купаются,
Пьют летом воду зубры из ручья.

Непостижимы тайны заповедные,
Необъяснима пуща чужакам.
– Смотри, смотри! – по небу знаки бледные...
Я здесь учусь читать по облакам.

Когда тебя своей коснулась драмою,
(За всё платила дорогой ценой) –
Ты обняла не мачехою – мамою.
Укрыла в холод, защитила в зной...

И на руках меня через ухабины,
Через болота, синие леса
Перенесла – прадедовы-прабабины
Услышать – через время – голоса.

Пусть птица перелётная не плачется –
Такая, видно, выпала судьба:
В родных местах на время обозначиться.
Там пахла хлебом тёплая изба.

И песнями, и детским смехом наполнилась,
И наливались соком *карані*
Но затерялась и не мне запомнилась
Простая радость светлая... Они

Когда-то здесь на этих землях ладили
Житьё-бытьё с мечтою пополам.
Ещё не все следы ветра загладили.
Не всё ушло. Сгорело – не до тла.

Ну, как отныне проживу на свете я
Без – Богом предначертанных – азов?
Зов предков позапрошлого столетия
Услышан.

Я пришла на этот зов. [6]

Несмотря на то, что Беларусь стала второй родиной поэтессы (“...пою о тебе задушевно, моя Беларусь!) и с ней связывает она свою надежду на будущее, всё же второй Родине отдано только сердце, а душа осталась в Сибири. В стихотворении “**В Хакасской степи...**” Л. Красевская пишет:

*О, Белая Русь! Я теперь в твоих нервах и жилах,
И мне лицемерить некстати и не по годам.
Я сердце своё, пока бьётся, пока не остыло,
Тебе, с покаянной любовью, всецело отдам...
.....
А душу, в Сибири которую чуть не сгубила,
Я всё-же оставила, всё же оставила там.*

В стихотворении “**Посмотри мне в глаза...**” Л. Красевская справедливо замечает, что “...если есть у тебя две Родины – /То покоя нет ни в одной”.

Гордо звучат откровения поэтессы о том, что родина и любовь – это и есть две половинки, составляющие человеческое счастье. Она убеждена, что ни время, ни расстояние не властны над этим чувством. Не удивительно, что основу творчества поэтессы составляет восприятие мира в философских категориях: что есть Родина, Любовь, Женщина; что есть сиюминутность и вечность Мироздания, Бытия.

Поэтесса говорит о культуре России, Беларуси, Польши, Германии, Эстонии, используя соответствующие языковые элементы. Так в стихотворении «Влодавское направление» перед читателем предстаёт белорусско-польское Пограничье, полиэтничный народ, его населяющий, слышен специфический язык с многоликим диалектом, такой близкий белорусам и полякам, представлена специфическая культура, в которой давно переплелись обычаи и нравы, традиции белорусского, польского, украинского и русского народов. Поэтесса подмечает, что несмотря на разность культур, это мультикультурное пространство всё же сумело сохранить главное – единство душ, которое не ведаёт границ... К такому выводу приходит и читатель, знакомясь со стихотворением поэтессы:

*И я теперь легко и беззаботно
Судить не смею о земном пути –
Там жизнь сама укладывает плотно
И век, и день, чтоб их переплести.*

*Переплавлились разговоры народа
Веками – в уникальные слова.
А через Буг – ни мостика, ни брода...
Страна другая – общая молва.*

*Всё те же «piaski», «laski» i «karaski»
Всё тот же ветер на две стороны
Осенние разбрасывая краски,
Предзимние окрашивает сны...*

*Вновь через реку видится мосточек,
Когда ещё не ведали границ...
По-над водою кружится листочек –
Одна из непрочитанных страниц.
Великой книги о великом прошлом.
Неясный зов мне душу бередит.
Нет очевидцев.
Кто будет допрошен?
Открытия какие впереди?*

Есть в её книге произведения, в которых мультикультурный пласт невелик и находится в подтексте. Но есть и такие, как например, стихотворение «*Alles gut!*» (в пер. с нем. «Всё хорошо»), которые почти целиком построены на культурологическом материале и иноязычных элементах.

*Alles Gute, danke, heute, braun –
Притесняю свой язык родной.
Говорите, bitte, deutsche Frau,
Только, если можно, не со мной.*

.....
*Голубыми водами Донаи
Алую студила в жилах кровь.
Deutscher Mann und auch deutsche Frau,
Я дарю вам память про любовь.*

Интер-язык и интер-культура создаёт в стихотворении особую атмосферу – радости и полёта души. Ведь известно, что языковых границ не существует для того, кто хочет быть понятым сам и стремится услышать и понять другого, ибо все души говорят на одном языке. И здесь читатель испытывает ощущение единения всех народов, потому что, несмотря на разные наречья, единым остаётся для всех народов язык души.

В мире Мефистофель есть и Фауст
И не Гёте в этом виноват.
Пусть хранит Господь Вас, deutsche Frau,
И виват, Германия, виват!

Поэтесса уверенна, что все люди мира, женщины всех наций и народов, немки, польки, белоруски, русские, просто хотят быть счастливыми:

*Две страны сошлись на Kuppelnaui –
Интересы женщин всех времён.
Швабские арийки, deutsche Frau
И славянский женский наш бомонд.*

Художественное произведение у Л. Красевской является тем межкультурным медиатором, который помогает читателю формировать картину мира. Чужая, в данном случае, немецкая речь, присутствует здесь не как фон, а как элемент немецкой культуры, с которой поэтессы была знакома.

Обращается Л. Красевская и к тайне женского обаяния как к символу счастья и надежды, веры в великое предназначенье человека на земле. В стихотворении «Женщина» Л. Красевская сравнивает женщину и с благоухающим цветком, и с объектом восхищения для поэта, и с истоком любви, без которой померкнет жизнь.

*Бог создал Еву из ребра
(На то, конечно, есть причины).
Рожденьем жизни и добра
В руках надёжного мужчины.
Благоухающий цветок.
Поэту – трепет вдохновенья.
Возвышенной любви исток
В веках. От мирсотворенья.*

Талантливому поэту Дмитрию Михайловичу Ковалеву (1915-1977) органически присуще глубокое чувство Родины, общности славянских

судеб, братства и дружбы народов. Об этом его стихотворение «Родился я и вырос на границе» [5, с.9].

Родился я и вырос на границе
России,
Украины,
Беларуси.
И у меня –
Друзья,
Сябры
И друзи,
Свет васильков, калин, берёз
В кринице.
И общие у стада пастухи.
И триязычные поэтов рубрики.
И будят на работу три республики
Единого колхоза петухи.
Три ратных брата:
Гомель,
Брянск,
Чернигов,
Лес партизанский –
И конца не видно.
И мати родная,
И нэнько ридна,
И мать родная –
Сколько лиц и ликова!
Славутич Днепр с его живою водою.
Огульный шлях –
Большак через плотину.
Ярило старину блюдёт едину.
И новь одна под красною звездою.
Через своё любой народ понятен,
Как свет берёз, калин
И верб в кринице.
Я счастлив, что такими все границы
Увидит солнце дружества без пятен.

Стихотворение воспринимается как прекрасное гражданское послание современникам-славянам, чьи судьбы так давно и прочно переплела история. Оно воспринимается и как предостережение от разрушения этого прочного единства душ и судеб.

Первая фраза уже свидетельствует об автобиографичности сказанного, доверительности авторского монолога, который будет произнесён.

Лирическому герою одинаково дорого всё, что связано с его малой этнической родиной, в которой прекрасно уживаются несколько культур. Такое мультикультурное пространство даёт возможность человеку любой культуры почувствовать здесь себя родным, так как люди тут дружны и живут в мире и согласии. Везде «сябры», «друзи», «друзья». Чувство сопричастности к родному краю, ответственности за его историю испытывает одинаково, как белорус, так и русский, и украинец. Родной Полесский край для всех согрет любовью матери-родины, неважно, что произносится она по-разному: «мать», «нэнька», «маці». Для усиления связи неразрывности человеческих судеб, которые сложились в ходе истории, автор использует троязычие: русский, украинский, белорусский, подчёркивая их славянское единство. Активно используются и топонимы (Гомель, Брянск, Чернигов), указывая на то, что здесь есть возможность каждому проявить свой талант. Лирический герой не скрывает своего чувства сопричастности к общей культуре Пограничья. Он счастлив, что «...такими все границы / Увидит солнце дружества без пятен».

Д.Ковалёв уверен, что каждый человек должен всегда помнить свои родные корни. В стихотворении «Родословная» он писал:

Мать русская, отец мой белорус, –
Я вновь,
Как в Киевской Руси, един,
Как та вода, что пьём,
Хлеб, что едим...
И далее:
Мать русская, отец мой белорус –
Я не Иван, не помнящий родства!
Гордились родословными князя,
Бояре и дворяне: из корней!...
Наш род и благородней и древней.
И в нём державный труд Руси всея!
Купель моя! Зарницы Кобзаря,
Бунт Аввакума
И Купалы клич...

Род... Родители... Родня... Родословная... Что общего в этих словах? Род – начало начал. Лирический герой стихотворения уже в самом начале хочет подчеркнуть, что своим рождением он обязан двум государствам и двум культурам, двум родам – белорусскому и русскому. Сильные позиции стихотворения подсказывают тему: мои корни, истоки моего рода. И идею – как важно каждому из нас уметь сохранить достоинство и честь своего

рода. Личные местоимения («я», «мой» и т.д.) указывают на доверительность и исповедальность сказанного. Лирический герой гордится своими предками и их достижениями. Кольцевая композиция стихотворения лишь подчёркивает мысль о семейном круге, о семейной культуре, связанной с просвещением потомков, с семейными традициями. Д.Ковалёв вновь и вновь возвращаются к своим истокам, с любовью описывает родной город, расположенный на границе трёх государств. Об этом его стихотворение «Ветка».

Ветка...

Зелёная Ветка!

Выпадало нам видеться редко.

Первый раз увидел,

Как родился,

А второй привелось –

Как женился.

Всё по свету.

По белому свету.

И тебя там, где был я, нету.

Но бушлат мой – лишь знак былого.

Узнаешь ли меня пожилого?

Я медлительный стал и строже.

Ты же стала ещё моложе.

Всё, что в годы войны пережито,

Под листвой молодой скрыто.

Лишь чернеют в песке рыжевато

Лапа якоря, хвост каната:

Наводнение когда-то было –

Староверскую пристань смыло,

И теперь ветковчане наши

Староверами не зовутся.

Только в память об их вчерашнем –

Крепкий чай в фарфоровом блюде.

Только имя, данное метко,

У тебя неизменно, Ветка...

Будешь ты, мой безвестный город,

И в неблизком будущем молод.

В изобилии расплодится

В плёсах рыба,

В чашобах – птица.

Пионер, свесив ноги будет

Краснопёрок в затоне удить.

Я ж при встрече этой короткой
Буду лысый уже, с бородкой.
Стану, может, ещё степенней.
Но душою чёрствым не буду.
Солнцем в окна,
Ласточкой в сени
Ты являешься мне повсюду.
Всё не вечно
Под поясом млечным.
Время
Метит морщинами
Метко.
Но шумит по-весеннему
Вечно –
Вечнозелёная
Ветка.

Ветка – это небольшой белорусский городок на реке Сож. Природа родного Полесья, её росистые травы, чистые реки речушки, пение птиц и еле слышный шум спелого ржаного поля будут сопровождать лирического героя, да и самого Д. Ковалёва всю жизнь, время от времени снова оживать в его простых и мудрых стихах. Вот что вспоминает белорусский поэт Пимен Панченко: «...первая наша встреча с Дмитрием Ковалёвым состоялась в августе 1939 года, когда он приехал в Минск на конференцию молодых поэтов. У нас была небольшая разница в возрасте. И судьба похожая. Он, как и я, был сельским учителем. ..Дима Ковалёв запомнился необычайной серьёзностью. Эта черта у него сохранилась на всю жизнь: он всегда серьёзно и сурово относился к поэтической работе, был правдив, честен и бескорыстен, дорожил дружбой и проявлением даже небольшого, но искреннего внимания...» [с.4].

Дмитрий Ковалёв пишет: «Люблю тебя я, родина, моя Ветка, люблю до стежки, до лугового озера, до деревца, до травинки, всё, что не делится, и никогда не денется. Иду и шепчу стихи. ..Они из меня льются. Так до зовущей тоски. Хочется на Сож, на стежки и тропинки детства. Как лёд плывёт, как вода прибывает – это так люблю. И столько лет уже об этом мечтаю».

Стихотворение «Ветка» – признание в любви родному городу. Это философское раздумье о судьбе старообрядческой Ветки, о её прошлом, настоящем и будущем. Заголовок формирует образ-символ. Человек – это лист на ветке древа жизни, и пока живёт древо, будут украшать его листки. Уже в первой строфе автор передаёт радость от долгожданной встречи со своей «малой родиной». Но если в первых строках мы слышим грусть и сожаление, то в последних строках автор, пройдя ещё раз по дорогам истории

своего города, радуется её настоящему и уверенно заключает, что будущее его прекрасно. Он будет жить вечно, потому что родина – это основа жизни. Искренняя, доверительная беседа лирического героя с другом детства напоминает исповедь. Три временных пласта проходят перед читателем: «родился», «женился», «расплодиться», «стал степенней». Правда, лирический герой видит свою родину уже с позиции своего возраста. И это даёт ему возможность переосмыслить историю родины, её культуру. А значит, понять и ценность межкультурной коммуникации.

Он сожалеет, что ветковчане «не зовутся староверами» и во многом уже утратили традиции предков. Далёкие времена оставили только название города и обычай пить чай из блюдца. Мать поэта была из старообрядцев, и потому эти обычаи он знал. Город всегда был известен не только ткаными ручниками, музеем белорусского костюма, своими иконами, известными людьми. Весь мир узнал об этом городе после Чернобыльской трагедии.

Он благодарен истории за то, что она оставила это дорогое имя родному городу. Однако эта трагедия ставит под сомнение утверждение лирического героя о вечности своего родного города. Он хочет, чтобы зелёный цвет никогда не превращался в чёрный пепел, чтобы жизнь продолжалась. А она, как известно, держится на любви людей друг к другу.

Стихотворение Дмитрия Ковалёва «Люблю – и, значит, я живу...» можно с уверенностью отнести к литературным антидепрессантам.

Люблю – и, значит, я живу,
Ещё живу, пока люблю...
Умру – сквозь почву и траву,
Шагаясь, будто во хмелю,
От жажды жить любовь взойдёт
И, став свежей от непогод,
Заискрит на хлебах росу,
Нальётся зорями в саду,
Проступит спорами в лесу,
Зажжёт рассветную звезду...
Так повторится каждый год.

Маленькое, в одиннадцать строк, стихотворение с открытым началом «люблю» воспринимается как глоток живительной влаги, как воскрешающий вздох. Ёмко, сильно, динамично. Хочется зацепиться за жизнь и – дышать – не надышаться, любить – не налюбоваться.

Наверное, написание данного стихотворения поэта вдохновила «Баллада о любви» В.С.Высоцкого. Интертекст «Я дышу и, значит, я люблю / Я люблю и, значит, я живу» содержится в виде аллюзии. Поверив мудрому классику, который закончил стихотворение приведёнными выше словами, Дм.Ковалёв, несколько интерпретировав В.Высоцкого, начинает своё

«Люблю...». Заголовка нет, но он и не нужен поэту. Автор вступает решительно и безапелляционно:

Люблю – и, значит, я живу,

Ещё живу, пока люблю...

Тезис, заявленный вначале, не терпит возражения. Не надо ничего обещать, прогнозировать. Первая и последняя фраза составляют композиционное кольцо, что свидетельствует о смысловой завершенности.

Ключевые слова («люблю», «живу», «умру», «жить», «любовь», «заискрит», «нальётся», «проступит», «зажжёт», «повторится») поистине служат «звёздочками» (по Блоку) и высвечивают тему: сила, живучесть любви. И идею – любовь вечна.

Доминантные слова «люблю», «живу», «любовь» убеждают слушателя в вечности и неизменности чувства любви. Слишком красноречивы слова: люблю – живу; живу – люблю. Они, образуя кольцо, являются символом вечности. Перекрёстная рифма (живу – люблю – траву – хмелю) усиливает ощущение возрождения. Мужская рифма (живу – люблю – траву – хмелю – взойдёт – непогод) придаёт стихотворению стремительность, динамичность. А четырёхстопный хорей вносит стройность и выразительность. Звукопись помогает ощутить музыкальность произведения.

Любовь у Д. Ковалёва одухотворена, слита воедино с человеком. Умирая, человек всё равно остаётся пребывать в воспоминаниях о лучших минутах жизни – о своей любви. Олицетворения («шатаясь»), и сравнение («будто во хмелю»), используемые поэтом, настораживают, но метафоры («любовь взойдёт», «заискрит росу» «нальётся зорями», «проступит спорами», «зажжёт звезду») заставляют поверить в воскрешение любви. Четыре зловещих «у» в третьем стихе и глухие «ш», «ж» вызывает обеспокоенность и даже тревогу. Но аллитерация в последующих строках обрушивается на слушателя звенящим потоком жизнеутверждающих «ж», «з» («жажда», «жить», «взойдёт», «заискрит», «зорями», «зажжёт», «звезду»). Поэт мастерски использует глаголы в создании образа вечной любви. Почти все строки начинаются с глаголов. В трёх строках глаголы занимают две позиции. Такое изобилие рисует картину вечного движения жизни. Лирический герой уверен, что любовь воскреснет неминуемо. Поэтому четыре раза кряду автор ставит глагол в форму будущего времени, дарит тем самым надежду читателю на возрождение любви, заявляя о её бессмертии («заискрит», «нальётся», «проступит», «зажжёт»). Надо быть поистине великим мастером слова, чтобы в создании столь живописного образа любви обойтись без экспрессивных прилагательных. В стихотворении всего одно прилагательное – «рассветную» (зарю). Но какую миссию ему отводит поэт! Ярким мазком завершает этот эпитет образ животворящей Любви!

Орошая любовь живительной влагой, «став свежей от непогод» автор выводит свою лирическую героиню в поле («заискрит на хлебах росу»), в сад

(«нальётся зорями в саду»), в лес («проступит спорами в лесу»), на простор («зажжёт рассветную звезду»). Поэт убеждён, что сама природа, из которой родился человек, даст Любви новую жизнь. Мелодичная чеканность слова, которую создаёт синтаксический параллелизм, заставляет поверить в это и читателя:

Заискрит на хлебах росу,
Нальётся зорями в саду,
Проступит спорами в лесу,
Зажжёт рассветную зарю.

А как лаконично, убедительно, оптимистично звучит одиннадцатая, последняя строка: «Так повторится каждый год...» и так будет всегда, пока будет существовать человечество.

Таким образом, русскоязычные поэты входят в духовную биографию читателя, становятся их постоянным собеседником, помогая своим творчеством каждому находить ответы на сложные вопросы бытия. Более того, чем дальше уводят они от нас время реальное, тем масштабней и объёмней становится поднимаемая проблема. Поэтому, читая произведения русскоязычных поэтов, которые отражают всю сложность мультикультурного мировосприятия, понимаешь, как переплелись здесь людские судьбы, славянские миры, и их культуры.

Литература

1. *Абрамчук, А.* и др. Бяла Подляска – Брест. Неоткрытый Восток. PolskaTurystyczna.pl./ А. Абрамчук, Е.Ветрова, А. Панько, Р.Зубкович. – Краков, 2008.

2. *Бабкоў, І. М.* Каралеўства Беларусь. Выглумачэнне ру[і]наў./ І.Бабкоў. – Мн.: Логвінаў, 2005. – 142 с.

3. Беларусіка – Albaruthenica: Кн. 3: Нацыянальныя і рэгіянальныя культуры, іх узаемадзеянне / Рэд. А. Мальдзіс і інш. Мн.: Навука і тэхніка, 1994. – 432 с.

4. *Жигалова, М.П.* Русскоязычная лирика Беларуси: жанрово-тематическая и стилевая парадигма/ М.П.Жигалова // Русский язык и литература, № 3. – Минск, 2010. – С. 33-40; № 4. – Минск, 2010. – С. 3-6; № 5. – Минск, 2010. – С. 8-16.

5. *Ковалёв, Дмитрий.* Кому что дорого. Лирика / Дмитрий Ковалёв. – Минск: Мастацкая літаратура, 1982. – 207с.

6. *Красевская, Л.Н.* На два голоса. Стихи и поэма/ Л.Н. Красевская. – Брест: «Альтернатива», 2009. – 111с.

7. *Рубашевский, Ю.* Калядкі па-цярэспальскі / Ю.Рубашевский // Вечерний Брест, № 9 от 2 февраля 2011. – С. 7.

8. *Суслова, Т.И.* Общечеловеческое и национальное в культуре: вызов глобализации// Общечеловеческое и национальное в философии:

II международная научно-практическая конференция КРСУ (27-28 мая 2004 г.). Материалы выступлений / Под общ. ред. И.И. Ивановой/ Т.И. Сулова. – Бишкек, 2004. – С.177-183.